

ВЛАДИМИР ОРЛОВ

ИСТОЩЕНИЕ
ВРЕМЕНИ
(СБОРНИК)

Владимир Викторович Орлов

Истощение времени (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9035425

*Истощение времени, или Сведения об участии кота Тимофея в
государственном перевороте; Солёный арбуз : Сборник/ Владимир
Орлов: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-087589-4*

Аннотация

Это непростая книга, как и все творчество Владимира Орлова. Его книги не только переведены на многие языки мира, но и по праву стали классикой современной художественной литературы («Альтист Данилов», «Аптекарь», «Бубновый валет», «Происшествие в Никольском» и др.). Многие из них экранизированы, другие ждут своего часа. В эту же книгу вошел первый роман «Солёный арбуз» и последняя повесть «Истощение времени». Здесь и фантазмагория, к которой автор прибегал на протяжении всего своего творческого пути, и реальность, ведь не секрет – он всегда говорил только правду.

Содержание

Истощение времени, или Сведения об участии кота Тимофея в государственном перевороте	7
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Орлов

Истощение времени (сборник)

© Орлов В. В., наследники, 2015

© Орлова Л. В., предисловие, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Сведения о том, как кот Тимофей участвовал в государственном перевороте, никогда раньше опубликованы не были. И не потому, что Орлов берег их для какого-то особого случая и теперь этот момент настал. Просто примерно в это время он начал писать еще и «Прогулки тараканов», и нельзя было сказать, что он кончит раньше: историю кота, которого он очень любил, или тараканьи путешествия, которые – надо признать – его тоже занимали... Так получилось, что небольшая повесть о коте Тимофее – и не только о нем – оказалась последней в творчестве Владимира Орлова. «Истощение времени» – так назвал мой муж эту повесть, и он, как всегда, говорил правду. Я знала об этом. Времени оставалось все меньше. На «Прогулки тараканов» его просто не хватило...

У Орлова была одна особенность: едва закончив один роман, он тут же начинал новый. Не делая пауз и перерывов. Почему? У меня есть предположения на этот счет, но пока я не готова о них говорить...

А вот почему в одном сборнике с последней орловской повестью оказался его первый роман «Соленый арбуз», думаю, нужны пояснения.

Опубликованный пятьдесят два года назад, роман Орлова отличался удивительно светлым взглядом на мир. Его главный герой по прозвищу Букварь воспринимал все происшедшее с ним, как некую историю, которая имеет обязательно счастливый конец. Даже если пока тот, кого ты любишь, на тебя внимания не обращает, а тот, кто должен жить долго-долго, погибает, и соленый арбуз, как некий символ счастья, никак не дается в руки... Роман был очень популярен, его много издавали – в особенности за рубежом.

Орлову повезло – он нашел своего героя. Букварь – знаток азбучных истин, который хотя и принимает их, но время от времени ставит под сомнение. Это его положительный герой, который потом в разных облициях и с разными взглядами на мир, будет жить в его романах. Он прост и сложен одновременно, потому что так устроена жизнь. А к жизни Орлов всегда относился с особым вниманием, это главный предмет его изучения. Почти в каждом его романе, начиная с «Соленого арбуза», есть город с большим или великим прошлым, как Суздаль, например. И прошлое, и будущее оди-

наково тревожно будоражат Орлова, заставляют задуматься о том, что было не так в ожидаемом нами будущем, как это все изменится и изменится ли.

Мы ищем ответы на свои вопросы в разных произведениях Орлова. В «Альтисте Данилове», «Камергерском переулке», «Аптекаре» и «Шеврикуке...», которого если и можно сейчас купить, то разве что на мало кому известном сайте «Нигде не купишь»... Стиль, в котором долгие годы работал Орлов, называется магическим реализмом, и в этом тоже кроется загадка, как и во всем его творчестве.

Пусть эта книга, в которой его первый роман соседствует с последней написанной им повестью, будет для кого-то открытием в мир, который лежит за границами этого сборника.

Лидия Орлова

Истощение времени, или Сведения об участии кота Тимофея в государственном перевороте

1

Сведения... Как сейчас помню... Написал и задумался. Вроде бы есть в ходу такое выражение. К языкам прилипло. И к мозгам. Но что оно значит? Надо понимать, буквально трактованное, – «как сейчас помню» – полная бессмыслица. Или бахвальство. Мол, такая у меня замечательная память (и не извольте оспаривать!), что всё рассказываемое мною – достоверно, будто происшествие случилось на моих глазах и сейчас. Но тогда выпадает из смысла «сейчас». Однако в нашем эпизоде было именно «сейчас». То есть мои сны о произошедшем ровно двадцать два года назад пошли с совпадением событий календарных дней давно отшумевшего исторического происшествия. Но не о снах речь.

2

В первый из тех дней я был разбужен котом Тимофеем.

Мы проживали с Тимофеем вдвоём на даче. Жена и сын трудились в Москве. Занятия в Институте начинались в октябре. Можно было ещё полтора месяца писать «Шеврику-ку...», книжки почитать и ходить по грибы. Ночь накануне вышла тёплой. Под двадцать градусов. Не пришлось включать обогреватель. Но небо нынче по утру было в пасмури. И капал дождь. Вылезать из-под одеяла было лень. Но на крыльце кухни уже сидел кот Тимофей и требовательно поглядывал на террасу нашего щитового домика. Дачей домик назывался (нами) лишь с наглой долей преувеличения. На участках садово-огородных товариществ, в Садах, большие строения ставить идеологически не позволялось. Сарай при огороде для хранения инвентаря, и достаточно. Тимофей, если не соизволял ночевать под крышей, являлся доложиться, что он тут, семейно послушен, за ночь не пропал, и достоин в семь часов утреннего кормления. Я встал, с террасы дошёл до кухни, выдал Тимофею порцию мяса (съедена она была моментально), и кот пушистым боком и поднятым хвостом своим как бы погладил мою ногу, но в дом идти не пожелал, а отправился в сторону леса продолжать вольную жизнь. Я же, удивившись теплыни августовского пасмурного дня, поспешил на террасу под одеяло, я – сова, и мог позволить себе поваляться в дремоте, как бы обдумывая что-то важное.

Но не поспешил. Меня остановил странный звук. То есть не то чтобы странный. И мне, пожалуй, известный. Это был

не хоровой звук дождя. Это был гул. И издавали его в километрах севернее нас металлические машины. Вспомнилось. Год назад похожий гул в посёлке был услышан. Выяснилось: по шоссе в сторону Белых Столбов и далее перегоняли караван комбайнов к местам уборочных работ. Нынче – по календарю – движение комбайнов было бы вполне уместным. Другое дело, показалось мне, машины шли из села Троицкого в направлении Симферопольского шоссе. И гул происходил от них, пожалуй, зловещий. Но мало ли что может услышаться или увидеться спросони? А потому – из-под капель дождя, пусть и тёплых, сейчас же – под одеяло!

Проснулся я лишь в половине двенадцатого. Лодырь и лежебока! Кот Тимофей на крыльце кухни не сидел. И гул (или даже скрежет) металлических машин мною услышан не был. Да и выходило, что я о нём забыл.

По привычке включил телевизор. На экране вместе с трагической Одеттой на берегу озера печалились большие белые птицы из её окружения. Это меня насторожило. Время было не балетное. Перепрыгнул на другую программу. И там – «Лебединое озеро»! Ну, хоть «Щелкунчиком» украсили бы экран. Поискал свежую информацию в волнах вэфовского приёмника. Всюду музыка Петра Ильича. Лишь в двенадцать часов движение лебедей (выяснилось позже, что на время) прекратилось, и на экране за стол уселись несколько озабоченных и серьёзных мужчин. Были произнесены слова о чрезвычайном положении. А главное – в центре стола с се-

рьёзными мужчинами я увидел Гену Янаева.

3

То есть за годы редких встреч с ним он лишь однажды предложил мне называть его Геной. Потом необходимость в этом отпала. Янаев всё более важнел и важнел и просто Геной быть уже не мог.

4

Я отправился поездом в город Горький. Всегда возмущался переименованием славного Нижнего Новгорода. Монаршим одарением шубы из соболей на худые плечи «пролетарского» писателя. А что было бы, если бы Алексей Максимович Пешков придумал себе псевдоним «Кислый»? Или «Солёный»? Или «Вонючий»? Или остался при своём самарском псевдониме — «Иегудиил Хламида»? Как бы назывались тогда горьковчане? Впрочем, в поезде ворчал я недолго... На Казанском вокзале мне повезло. В газетном киоске я углядел осенний номер (единственный экземпляр!) журнала «Москва» с первой частью «Мастера и Маргариты». В городе добыть публикацию романа Булгакова не удалось. В минуту расхватили! На вокзале же, понятно, большинству путешественников было не до бумажных раскладов, главное —

узнать, на какой путь им нестись в толчее и куда тащить набитые в столице сумки. Я же в предвкушении удовольствия не спеша отправился в свой вагон. И открыл роман Михаила Афанасьевича.

5

А ехал я в Горький на конкурс спортивных бальных танцев.

6

Тогда я работал в Молодёжной Газете корреспондентом отдела Культуры и Быта. Круг интересов отдела (и моих) был чрезвычайно широкий. При этом мы готовили и печатали материалы не холодно-информационные, а, как говорили, – остро-проблемные. За что-то важное для молодёжи боролись. Что-то отстаивали. Скажем, отстаивали драгоценное наследие Отечества – памятники истории и культуры, попавшие в немилость Никиты Сергеевича Хрущёва. И это дело, поверьте мне, было в те времена рискованным. Во всяком случае, выгод не приносящим...

7

Рассказчик, спросите вы, а куда девались из вашей болтовни кот Тимофей и Янаев? Причём тут спортивные бальные танцы?

8

Дойду и до бальных танцев...

9

Мало кто помнит (или знает), о том, что после Войны, в конце сороковых годов, репрессии навалились на порождения городов Жёлтого Дьявола – джаз и музыку Толстых. Оркестры («космополитские») были разогнаны, иные их артисты, в их числе и блестящий Эдди Рознер, попали в лагерь. Запретили всяческие вредные танцы – фокстроты, танго, квикстэпы, румбы, и уж тем более – безнравственный буги-вуги, пощадили лишь вальс (венский), не убирать же вальсы из знаменитых балетов и опер. Написанная в ритме фокстрота «Катюша» была срочно упрятана под покров благонадёжного вальса. Практически наказан за провинность был фильм «Весёлые ребята». Мелодии из него звучали из

репродукторов, а увидеть картину было невозможно, если только на экранах окраинных неподнадзорных клубов. И мы, послевоенные мальчишки, вынуждены были ощутить всю серьёзность государственной заботы о вкусах юного поколения. Гордостью нашей школы был «КЮМ» – Клуб Юных Мастеров. Усердиями его умельцев, в их числе и моего одноклассника Рудика Вегенера, была создана школьная радиостанция. И меня (в седьмом, что ли, классе или в восьмом, тогда я тянул стенгазету) назначили председателем радиокомитета. Для служебных нужд нас снабдили двумя пластинками. Одной, для проб свойств звука – отчего-то «Еврейской комсомольской» И. Дунаевского, «у рыбалки, у реки тянут сети рыбаки...». И конечно, на большом виниловом круге нам доверили Гимн, в двух вариантах – с текстом и без текста. Заметки школьной газеты мы зачитывали во время больших перемен. Законы жанра требовали для них музыкального оформления. Или хотя бы музыкальных перебивок. Но не устраивать же перебивки из шлягеров тех лет – «Каким ты был, таким остался...» или «Белая берёза»? И я носил пластинки из дома. Как правило, довоенные. И именно – танго и фокстроты. И вот однажды во время выпуска газеты в нашу «рубку» с криком ворвался Е. С. Евгений Семёнович, фронтовик, создатель Клуба Юных Мастеров. Первым делом он разбил об угол стола пластинку, то ли танго «Дождь идёт», то ли румбу «Кукарача». А потом перешёл на брань и угрозы. Смысл его криков сводился к одному. Него-

для бессовестные, подпольщики, если ваше хулиганство повторится, из школы будете выгнаны с волчьим билетом, даю слово! Мы что-то промямлили с Рудиком, а когда Е. С. дверь захлопнул, я и звукорежиссёр обиженно переглянулись.

– А давай попробуем... – сказал Рудик.

Пробу мы произвели сейчас же сгоряча и по дурости, буд-то не соображая, чем она может закончиться для нас и для родителей. В своё время, осваивая аппаратуру, Рудик запустил диск с Гимном «задом наперёд», и вызвал странный эффект. Государственный марш с хоровым пением Ансамбля Александрова превратился в подобие танго, зазвучавшее на неведомом языке. Уважаемый Е. С., видимо, не спешил спуститься в подвал «КЮМа», а поджидал. И дождался. Новый его визит вышел совсем свирепым. На нас с Рудиком он не взглянул, а сразу же выхватил из-под адаптера большую пластинку, швырнул её на пол и принялся топтать ногами.

– Я вас предупреждал! – слышали мы. – Сейчас же иду к директору! Даже в лучшем для вас исходе, подыскивайте себе новые школы!

– Евгений Семёнович, а что мы такое сделали? – удивился Рудик. – Вы хоть взгляните на то, что разбили и начали топтать ногами...

Евгений Семёнович взглянул. И ужаснулся. А мы испугались. Как бы не хватил Е. С. удар. И было отчего. Под его ногами среди осколков пластинки на уцелевшем красном кружочке значилось, что это Гимн Советского Союза в исполне-

нии оркестра под управлением А. Гаука и Ансамбля Александрова. С Е. С. случилась истерика. Он-то был из взрослой жизни и прекрасно знал, какие могли быть для него последствия произошедшего. Да что значит – «могли»? Они были неизбежны! Мы о них и не догадывались. О следующих минутах нашей «пробы» вспоминать стыдно. Фронтовик, дважды раненный, готов был валяться в ногах у легкомысленных подростков, вымаливая у нас обещание молчать и о случившемся забыть. Мы тут же обещание дали (и оно было искренним), правда, рассказать Е. С. о том, что произошло на самом деле, не отважились. Однако вряд ли что-либо от нашего признания изменилось бы (Это соображение уже сегодняшнее...). А тогда... В нашей радиорубке имелась корзинка для бумаг и веник, мы быстро сгребли осколки битых пластинок, и в корзинке румба «Кукарача» породнилась с Гимном Советского Союза. Удручённо-мрачный, с корзинкой в руке уходил от нас Евгений Семёнович. Нам было жалко его. И сами мы опечалились. Уже у двери Е. С. обречённо махнул рукой и произнёс: «Да крутите вы свои пластинки...»

10

Кот Тимофей из леса не возвращался. То ли вредничал. То ли в предчувствии бед (остро-чувющее или мистическое существо) ушел от людей с намерением пережить в лесу события и опасности очередного смутного времени. А без него

отправиться в Москву я не мог. Мало ли что. Может, и возвращаться на дачу не придётся. А бросать кота, чуть ли не члена семьи, было бы подлостью. Но и добираться в Москву с котом на руках вышло бы делом затруднительным. Тимофей весил четырнадцать килограммов. А никакой сумки, подходящей для перевозки свободолюбивого и беспокойного зверя, на даче не было. Не волочь же Тимофея до Москвы в рогожном мешке для картошки. А самое существенное было вот что. Я и представления не имел о том, что такое чрезвычайное положение. Какие у него требования, батоги и шестопёры. Может, и поездки с котами были нынче запрещены. Кстати, а ходили ли вообще сегодня в сторону Москвы автобусы и электрички? Знать этого я не мог... Фантазии создавали картины самые зловещие. Да и чего можно было ожидать от обстоятельств нашей жизни? Ко всему привыкли... Ни одна машина за день в посёлок из Москвы не прикатила. И что происходило сейчас с женой и сыном, было мне неизвестно. Оставалось ждать определённости, нервничать и надеяться...

11

А кот Тимофей, стервец, и не думал выбираться из леса...

12

Я же некогда ехал в город Горький на конкурс бальных танцев.

13

Мои пластинки, из домашней фонотеки, разбитые Евгением Семёновичем, были для нашей компании чуть ли не драгоценными. Мы созревали, были старательными школярами, занимались спортом, влюблялись, учились под патефон танцевать в комнатухах коммунальных квартир. Иногда по просьбе жаждущих я выносил патефон во двор, ставил там его на табуретку, ассистенты из малокососов отвечали за сохранность пластинок и патефона. Дворы были тогда неасфальтированные, со вмятинами и с земляными вздутиями, но это дворовым танцам не мешало. В учителях же танцев у нас оказывались родственники и знакомые немногим старше нас, доморощенные, можно сказать, спецы хореографии. Конечно, имелись и Школы танцев. Но за занятия в них надо было платить. Да и что в них разучивали? Совершенно не нужные в наших коммуналках полонезы, краковяки и мазурки (ну, для суворовцев с холлами в их училищах, почти залами, они может быть ещё и подошли бы) и какие-то

диговинные новоизобретения, вроде «Танца конькобежцев» или «Падеспани» и «Падекатра». Что такое «Танец конькобежцев», я и знать не знал, и знать не хотел. Да и что делать конькобежцам на паркете или на дворовой траве? Вот и обходились мы довоенными изделиями Коломенского завода, редкими подачками гэдээровских или пражских музыкантов (оркестр Влаха), топтались под них, а летом резвились на дачных танцплощадках, заведённые ритмами шлягера с плёнки «на костях» – «Истамбул Константинополис»...

14

И вдруг...

15

И вдруг на прилавках музыкальных магазинов появились запрещённые танцы. Любезные нам «Рио Риты», «Мама Инее», «Девушка играет на мандолине» («На далёком севере эскимосы бегали... за моржой...» – в обиходе), «Чай вдвоём», «Три поросёнка» и прочие, и прочие... Правда, прежние титулы им не вернули, а простенько обозначили на этикетках – «быстрый танец» (фокстрот, чарльстон, пасодобль) и «медленный танец» (танго, вальс-бостон и др.). Но и этого было достаточно. Поговаривали, что запреты на музыку Тол-

стых отменил новый министр культуры Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. На моей памяти в двадцатом веке в обстоятельствах эпохи это был наиболее интересный министр культуры. Не в пример звёздно-лицемерной Фурцевой или полуграмотному дураку Демичеву, принявшемуся в угоду фаворитке разваливать Большой театр. Этим мне приходилось наблюдать... (И тут я позволяю себе высказать свои личные впечатления, и никого другого.) Пономаренко был не из подхалимов и циников, знал цену людям, в Войну командовал всем партизанским движением, получил звезду Героя Советского Союза и, будучи членом Политбюро, по легенде, вполне мог надерзнуть вздорному нередко Хрущёву. И тот отправил его от серьёзных дел «на культуру»... И слава Богу.

16

Стало темнеть. Ясности не добавилось. А тревога усилилась. Немногие допущенные цензурой, ясно, что политической, кадры по ТВ только пугали. Танки, бронетранспортёры. Не их ли гул и скрежет был услышан по утру? Как будем жить дальше? Голоса радиостанций слились в один неприятный Голос надзирателя, будто он остался единственным Голосом в нашей стране (или даже в целом мире), и своими короткими сообщениями-повторами ничего хорошего никому не обещал. Но предупреждал о переменах. И кулаком (при-

обрёл и кулак) грозил. Радости жизни, казалось, остались в прошлом. Экран телевизора хотелось погасить, но без его картин и звуков стало бы ещё тоскливее...

– Дядя Володя! – услышал я. В оконное стекло постучали. На крыльце мок приятель сына Игорь.

– Игорь? – удивился я. – Ты откуда?

– Из Москвы, – сказал Игорь. – Матери продукты подвёз...

Дом Игоря стоял в посёлке метрах в ста от нашего.

– Ну как там... – выдавил я из себя.

– С вашими всё нормально, – успокоил меня Игорь. – А так, в городе... Лучше не говорить...

– Стреляют? – спросил я.

– Не стреляют, – сказал Игорь. – Но и без стрельбы всего хватает... А вот у Лёни возникли проблемы...

– Какие? – встревожился я.

– У него завтра или послезавтра кончается ваша доверенность на вождение автомобиля... И при чрезвычайном положении езда по городу, сами понимаете...

– И что же делать?

– Ждать здесь. Лёня приедет сюда и повезёт вас в нотариальную контору продлевать доверенность. Это он и просил вам передать...

– Понял, – сказал я. – Спасибо, Игорь.

– Ну, я побегу. Мне ещё возвращаться в Москву. Ой! – спохватился Игорь. – Чуть было не забыл!

И Игорь достал из-под брючного ремня четыре бутылки пива.

– Для поправки вашего настроения! – было произнесено.

17

Пиво для поправки настроения коту Тимофею не требовалось, и он из леса домой не явился.

18

Ну, ладно пластинки с «быстрыми» и «медленными» танцами на прилавки попали. А что творилось тогда на танцплощадках (ныне – дискотеках)? Ведь пришло ко всему прочему (особенно после Фестиваля) время рокен-ролла. По сведениям, которые я получил в ВЦСПС, каждый вечер на учтённых профсоюзами точках в стране танцевало почти тридцать миллионов человек. И никто уже не призывал молодёжь радоваться жизни, исполняя «Танец конькобежцев». Но охранители морали и порядка, естественно, никуда не делись. В практических действиях ретивость проявляли дружинники. В Москве-то ладно, здесь кое-какие правила приличия и даже культуры ими соблюдались. А в провинции... Там-то каково, заполучив на несколько часов красные повязки, не ощутить себя на глазах знакомых властью с возможностями

ми казнить или миловать. Кого с танцплощадки вывести, кому морду набить, кого определить на пятнадцать суток. В особенности тех, кто явился отплясывать не в тех штанах, в штиблетах на подклеенной каучуковой платформе да ещё и с коком стилиаги и галстуком с жёлтой обезьяной. А можно было и приостановить танец или вообще все танцы, потому как они – отрывка мелкобуржуазной культуры, и не гоже советской молодёжи следовать её прихотям и забавам. И по ТВ они не рекомендованы.

А рекомендации на ТВ давал в ту пору некий учитель танцев по фамилии Школьников. О «Танце конькобежцев» он не вспоминал. Козырем в его рекомендациях был изобретённый им танец «Тер-ри-кон», посвященный советским шахтёрам. А к шахтёрам причисляли тогда Никиту Сергеевича Хрущёва. Позже, по ходу исторической неизбежности, Школьников создал танец «Домна» и посвятил его советским металлургам. А было известно, что Леонид Ильич Брежнев начинал трудовую деятельность в городе с домнами. Запомнилось и ещё одно творение Школьниковова – танец «Каза-нова» с текстовым утверждением: «Каза-нова, Каза-нова – это вам не босанова». На этот раз танец предусмотрительно не был кому-либо посвящен (во всяком случае, об этом не объявлялось), и уж тем более не был посвящен венецианскому писателю и повесе. «Каза-нова» – казанский новый. И достаточно. И никаких политических усердий. Немодно. Могу предположить, что учитель танцев выбрал ман-

кое название (оно и само его приманило), тут тебе и Каза-нова, и вошедший в моду танец босанова. Школьников со своим ансамблем не раз появлялся на экране ТВ и пытался обучить публику и «Тер-ри-кону», и «Домне», и «Каза-нове». Успеха не имел, а вызывал лишь раздражение. Но чаще всего смех. Какие-то парные, но бесполо-целомудренные движения по паркету. Будто танцы никогда не были сопровождением любви. А напротив – от любви оберегали. При этом наш телеучитель был чрезвычайно уверен в себе. Словно бы за ним стояли какие-то несокрушимые силы. Или их долговременные и весомые убеждения. Яро ругал учитель западные и латиноамериканские танцы. Была даже выпущена книжка «Со стандартами наперевес». В ту пору в разных странах мира во всю проводились конкурсы и соревнования исполнителей бальных танцев. У нас их, фактически классических, не жаловали и называли «стандартами». С ними и требовалось идти «наперевес». Вид оружия, правда, при этом не указывался. Вполне возможно, имелся в виду «Тер-ри-кон».

Тем временем и у нас потихоньку и будто бы подпольно возникали школы классических бальных танцев. И где-то на задворках, с опасками, начали проводить соревнования, даже чемпионаты (местные) танцоров «стандарта». Началось всё с прибалтов, а аукнулось в Сибири. Не скажу, чтобы движение это поощрялось. Напротив, у чиновников там и тут сразу же обострялась идеологическая подозрительность и желание в случае чего от нерекомендованных ТВ-увлече-

ний выстроить частокол. Мол, мы тут ни при чём, это за нашим забором, и об этой наглой самодеятельности мы и слыхом не слыхали.

19

И вот я ехал в город Горький на конкурс бальных танцев. Полагал, что он вызовет интерес у молодёжи города и по крайней мере – озабоченность областных властей: «Это что за каракатица такая у нас вдруг завелась?» Чтобы получить место в гостинице, мне надо было зайти в Обком комсомола, о себе сообщить и о цели командировки. Привычный ритуал. Зашёл, сообщил. Удивился. Никто из секретарей Обкома корреспондента Центральной молодёжной газеты разговора не удостоил. И этим была нарушена субординация. «Ну, и нормально», – решил я...

20

Тимофей появился в нашем доме котёнком. Умещался на ладони жены. Серый в белых полосках комочек. В те дни делали операцию отцу жены. Жена работала редактором «Журнала мод» и после дневных трудов отправлялась в больницу. Домой к нам подаренного ей котёнка принесла из редакции Маша Соломина. Тогда-то котёнок и получил

имя – Тимофей. Вернувшийся из больницы отец жены, Виталий Акимович, отставной подполковник, жить не хотел, лежал на тахте молча, глазами в потолок. Не знаю, чем бы это всё закончилось, если бы не Тимофей. Он принялся тормошить Виталия Акимовича, большого, грузного мужика, будто бы желал поиграть с ним, а заодно заставить того позабавиться и позабыть о хандре. Занимался этим часами. И ведь добился своего. У Виталия Акимовича пробуждался интерес к жизни. Мы могли уходить на работу, оставляя больного человека на попечение котёнка Тимофея. Выздоровел Виталий Акимович, вернулся в Самару, а Тимофей впервые проявил себя врачевателем. Он и позже, взрослым котом, не раз врачевал приятных ему людей, особенно умело массажем снимал боли жены, попавшей в вятской командировке в автоаварию. В городе жизнь для него была малоприятной. Двор наш весь был заставлен автомобилями, выйти на улицу значило – тут же попасть под колёса деловых и безразличных к любым существам, на ногах и на лапах, машин, попытка жены выгуливать Тимофея во дворе, снабдив его ошейником и поводком, к удаче не привела. Ошейник жена привезла из Страны Восходящего Солнца, от его японских братьев, но, увы, он мог охватить лишь лапу Тимофея. Тогда мы и задумались: какой он породы? Но так и не определили, какой. То ли он кот сибирский, то ли камчатский, то ли камышовый кот «хаус» (в зоосаду в вольере камышового кота я увидел двойника Тимофея). Неважно, главное, что он

был вольный хищник. Или охотник. И если в Москве он скушал, посиживая, а чаще полеживая в квартире, то в дачной жизни всё время находился в движении. И чувствовал себя прекрасно. Советы кастрировать котяру мы выслушивали с возмущением. Кот у нас об этом не просил. И наших рекомендаций о нормах поведения всерьёз не воспринимал. Хотя и был зверем разумным. Но страсть к приключениям, в их числе и к лирическим, часто отменяла наши рекомендации, надо полагать, занудливые. А может быть, и эгоистические. Мы привыкли к Тимофею, и потеря его вышла бы для нас болезненной. А Тимофей позволял себе шлаться где-то по пять суток, и не обязательно в лесу. Однажды соседи видели его, якобы пропавшего, в селе Троицком, шумном и торговом, километрах в пяти от нашего посёлка. Не в магазины и не на рынок ли он туда отправился? А вот что добывал себе на прокорм Тимофей в лесу, было нам неизвестно. Но, наверняка, не ловил там мышей. Однажды кто-то из нас пожурил Тимофея:

– Лодырь! К тому же высокомерный! Зажрался! Из его миски вместе с ним лакает молоко мышь, а он хоть бы хны!

И в наказание (или в назидание) Тимофей был заперт на ночь в кухне.

Утром, когда дверь в кухню была отворена, Тимофей вышел на свободу не спеша, прогнулся, потянулся, поточил когти о доски крыльца, потом всё так же не спеша выволок на крыльцо семь отловленных им и придушенных мышей, и

будто бы произнёс небрежно:

– Вы хотели жрать мышей? Нате жрите! – И хвост задрал, удалился из сада.

21

Соревнования танцоров в Горьком проходили весело и изящно. Отведено на это было два дня. Один день – на программу европейских танцев (танго, вальс-бостон, фокстрот, квикстеп), второй – на танцы латиноамериканские (самба, ча-ча-ча, румба, пасодобль). Отдельным номером шло пробное и незачётное исполнение джайва, облегчённого варианта проклинаемого рок-н-ролла. Рано или поздно он должен был получить паспорт с пропиской среди уже узаконенных «стандартов». И получил. Шёл шестьдесят седьмой год. Нынче спортивные соревнования танцоров можно наблюдать не только в шумных зрительных залах, но и на экранах телевизоров. И многие имеют о них представление. Тогда же всё происходило в новинку. И возникало ощущение праздника. И у тех, кто выходил на паркет. И у тех, кто устраивал соревнования. И у меня, явившегося в Горький наблюдателем. В зале возникала атмосфера Первого бала с хлопотами и заботами матушек о нарядах самых юных участниц Бала («Во сколько обошлось вам платье?» – вопросы к другим матушкам, «Сами шили?.. И дочка помогала?...»). С красотой движений и линий дам и кавалеров. С точными, несуетными

и опрятными действиями организаторов.

Праздник-то праздником, но чем он закончится? Ясности не было. Вдруг возьмут да и прихлопнут сомнительную и непрошенную затею. А с ней закопают и саму идею привития культуры и вкуса молодым людям, пусть и в частном деле. Из начальства на конкурс никто не являлся. Выжидали чего-либо? Или надеялись на указания из Москвы? Понятно, что организаторы конкурса волновались. Заметно волновались. Иные ходили в трепете, в ожидании нагоняев. Успокаивали себя, судача о том, что в Обкоме партии якобы происходит какое-то важное совещание, вроде бы по поводу борьбы с пьянством, и до легкомысленных танцев никому дела нет.

Мне-то бояться было нечего. Я от местных властей и их мнений не зависел. И в обкомовское здание не зашёл бы, если бы не необходимость отметить в командировочном удостоверении окончание визита в Горький. Обком, Большой и Молодежный, размещались над Волгой, в Кремле, в строении с элементами конструктивизма, связанным с именем А.А. Жданова, титана идеологических усилий, а также умственным и сытым победителем всех врагов блокадного Ленинграда, а позже и космополитов с их танцами Жёлтого дьявола. Да мало ли кого ещё!

Чтобы воздвигнуть Чиновничий дом, требовалось снести

Спасский кафедральный собор семнадцатого века, и лишить Нижний Новгород его вершины, самой яркой его вертикали. Теперь собор можно увидеть только на видовых полотнах знаменитых мастеров, а прах Великого гражданина Козьмы Минина перенесён из него в скромную уцелевшую церковь.

В Чиновничий дом я шёл на этот раз без всякого удовольствия.

Однако мою командировочную бумажку быстро прихлопнули печатью, и можно было Дом покинуть. Не тут-то было! Возникшая в приёмной барышня сказала мне:

– А вас просил зайти к нему Геннадий Иванович.

В кабинете Первого секретаря за начальственным столом в одиночестве сидел крепкий крупноголовый мужичок средних лет. Насчёт мужичка я сморозил. Справедливее было бы назвать его мужиком. Как известно, потолком пребывания в комсомоле были двадцать девять лет. Поэтому назначение молодёжным вождём странного зануду Тяжельникова вызвало, по крайней мере в нашей газете, недоумение. Комсомольцу Тяжельникову было сорок два года. Но позже к нему и к его возрасту привыкли. Сорок два так сорок два. А всякие там Уставы... Да что они? Для пользы дела их можно было приспособить к любой ситуации.

– Садись, – предложил секретарь обкома.

– Спасибо, Геннадий Иванович...

– К чему церемонии? Называй меня Геной. Геннадием Ивановичем я ещё не стал...

Так я познакомился с Геннадием Ивановичем Янаевым.

23

Часов в одиннадцать вечера я обратился к лесу.

– Тимофей! – строго и громко произнёс я. – Только не прикидывайся, что ты меня не слышишь. Вот что. Завтра или, в крайнем случае, послезавтра приедет Лёня и заберёт меня в Москву. Времени на поиски тебя у нас не будет. Хочешь оставаться здесь на зиму, оставайся. Не хочешь – чтобы завтра утром был дома. Всё. Понял? Повторять не буду. Ты меня знаешь.

Ни рычания, ни мурлыкания в ответ.

24

– Ну, и как твои впечатления? – спросил Янаев.

– Самые приятные, – сказал я.

И принялся рассказывать о своих приятных впечатлениях.

Янаев, просто Гена, встал и начал прохаживаться от стола к двери и обратно. Он фактурой своей вполне соответствовал требованиям принятого в комсомоле отбора в номенклатуру. Во-первых, он не вызывал раздражения. Напротив, был приятен. Такому можно было доверять. При этом

он не выглядел обаятельным юношей с плакатов, способным лишь произносить пламенные речи и на районных сборах активистов исполнять в перерывах вместе с другими песни Кобзона и Кахно. Гена походил на Максима из кинотрилогии о Выборгской стороне, он был свой, надёжный, и будто бы, прежде чем попасть в этот кабинет, потрудился, и успешно, хлеборобом или мастеровым.

Меня он выслушивал со вниманием, но и с очевидным напряжением. Однако очень скоро я понял, что причины этого напряжения находятся не в стенах Гениного кабинета, а где-то далече... Хотя и не слишком далеко...

– Ну, что же... – сказал Гена. – Собственно говоря, ничего нового я сейчас не узнал.

– То есть ты обо всём хорошо осведомлён? – спросил я.

– Будем считать, да, – сказал Гена. – И что же, ты будешь писать о конкурсе статью?

– А ради чего же я приехал в Горький? – сказал я.

– Ругательную, небось...

– Отчего же ругательную? – сказал я. – Писать буду о полезности таких конкурсов и о том, что горьковская молодёжь умело и даже изящно организовала это мероприятие (слова являлись из служебных записок и чиновничьих кабинетов, они были достижимы для понимания Геной моих оценок и успокоили его).

Гена наконец-то улыбнулся. Но телефонный звонок его улыбку стёр.

– Извини, – сказал Янаев. – У нас тут происходит совещание и мне нужно появиться там хотя бы на минуту.

Что за совещание, разъяснять он мне не стал, не моего ума дело. Позже я, узнав о некоторых событиях в городе, возбудил в себе некие догадки и предположения. Совещание, вполне возможно, могло быть посвящено борьбе с алкоголизмом. Первым секретарём Обкома партии был тогда некто Катушев, нынче забытый. Катушева позже перевели в Москву. На одну из самых алмазных в стране должностей, с выносом портрета деятеля в праздничные дни в толпах демонстрантов. На областном же антиалкогольном совещании поначалу всё шло хорошо, справедливые люди требовали сократить производство злонамеренного напитка, ограничить время торговли им, а всех самогонщиков изловить и приковать к позорным столбам. Но тут обострилась ситуация в одном из заводских районов, возможно в Сормове. Нечем было выдавать зарплату. И поскрежетав зубами, справедливые люди решили срочно выбросить на прилавки основательную партию водки, добыть деньги и тем взбудораженно-опечаленный пролетариат успокоить. Или хотя бы накормить.

Было так или не было, не знаю. И уж тем более не знаю, с какого совещания вернулся к бальным танцам молодёжный лидер Гена. Он был всерьёз озабочен чем-то. Но явно не конкурсами танцев.

– Ну что? – спросил Гена. – Какие-нибудь вопросы ко мне имеются?

– Нет, – сказал я.

– Тогда в добрый путь, – сказал Янаев. – Да, если напишешь статью, рекомендую показать её Юре Афанасьеву.

– Покажу, – из вежливости пообещал я.

25

Тимофей, надо полагать, ответственно отнесся к моему предупреждению. Остаться на даче и в лесу на зиму он не был намерен. К ночи он вернулся домой. И даже не потребовал мяса. Сразу протопал на террасу, уселся на коврик рядом с моей лежанкой и принялся вылизывать себя. Чистюля! Никакого интереса не вызвало у кота предложение посмотреть единственную оставленную в живых программу телевидения. А ведь прежде, не всегда, конечно, Тимофей внимательно и даже с чувством сопереживания наблюдал за кадрами на голубом, считалось тогда, экране. Был случай. В Москве в ту пору совсем худо стало с продуктами, с мясом и рыбой в особенности. А Тимофей был хищником и позже, когда в магазинах появились всяческие «вискасы», а в миску Тимофея посыпались кусочки кошачьего пропитания, он фырчал и загребал лапами незаслуженное им дерьмо. Будто бы его признавали вегетарианцем. Или приписывали к увлечшимся йогой. Добытчиком (заказы, стояния в очередях, знакомые продавщицы, да мало ли что ещё) серьёзных продуктов был в семье я. И порции мяса и рыбы хек

Тимофею перепадали. Иногда (это происходило в Москве) он выпендривался и даже позволял себе капризничать. Мол, что это за дрянь! Однажды я нарезал ему целую миску мяса, пусть и не первого сорта, Тимофей вышел на кухню, оглядел и обнюхал предложенную ему еду, морду от неё отворотил, мрачно взглянул на меня и ушёл в комнаты спать. Дрых и дрых. И этим мешал мне работать. «Мясо-то заветрится!» – беспокоился я. Неуважение Тимофея к моим усердиям стало вызывать моё раздражение. Но и новые мои призывы кота на ноги не подняли.

– Вот что, Тимофей, – приволок я его к телевизору, – послушай-ка умного человека...

Умным человеком я рекомендовал Тимофею Николая Ивановича Рыжкова, тогдашнего премьера. Из-за боязни, что Тимофей не всё поймёт, как следует, иные выражения Николая Ивановича я в пересказе упрощал и сводил смысл беседы с ним к сути – надо быть готовыми затягивать пояса, а мяса, похоже, в продаже скоро и вовсе не будет. Тимофей, ни звука не произнеся, спрыгнул с моих колен и деловито куда-то отправился. Я в ту пору политически взъерошенный и любопытствующий по поводу важных будто бы событий, оказавшихся позже ерундой, дослушал беседу с Н.И. Рыжковым, а потом прошёл на кухню и увидел – мясная миска Тимофея была вылизана.

Теперь Тимофею никаких разъяснений от телевизора не потребовалось. Предчувствие землетрясения в нём, видимо,

вызрело. И вызрело в нем смирение. Не знаю, на сколько уйдет дней. Во всяком случае, из дома на волю он не рвался. Боялся пропустить появление моего сына из Москвы.

26

И не пропустил. Лёня приехал утром и попросил меня собраться и закрыть дачу лучше бы за пятнадцать минут, в крайнем случае – за полчаса. Времени у нас нет. Тимофей не замедлил объявиться, журчанием поприветствовал сына и степенно прошествовал к калитке и к автомобилю с оправданной необходимостью пометить его.

– Тимофей, не вздумай сбежать! – строго произнёс Леонид, но в словах его не было нужды.

Тимофей же, убедившись, что машина – наша, улёгся на мокрых, но зелёных пока, сбитых ветром листьях в метре от автомобиля.

– Отец, – сказал сын, – сейчас поедem. Возьми, пожалуйста, какую-нибудь тряпку, подложи под кота. А то вдруг от него пятна останутся...

– Возьму...

После этих слов Тимофей поднялся, потянулся, стряхнул с себя капли и последовал за мной на заднее сиденье.

Из всех средств передвижения я был владельцем лишь педальной машины (в четыре года) и трёхколёсного велосипеда. Жили мы небогато, а временами и просто бедно. И тем не менее к окончанию седьмого класса мне были обещаны либо фотоаппарат «ФЭД», либо харьковский спортивный велосипед. Взрослый! Но не состоялся велосипед. Врачи запретили мне осёдлывать аппарат моей двухколёсной мечты. Любой другой вид спорта, футбол, лёгкая атлетика, плавание, пожалуйста, но только спорт не велосипедный. Иначе стану горбуном. Уже почти горбун и дальше расти не будешь. Ну, не горбун, а некрасиво сутулый. И действительно, более я не рос. Но перед тем в седьмом классе был, казалось, самым длинным, дразнили Дон-Кихотом, я стеснялся и от того сутулился. Но оказалось, что дело не в одних лишь стеснениях. Книги! Вот что вызвало у меня искривление позвоночника. Естественно, не сами книги. А прилежное их чтение. Скорее даже и не прилежное, а азартное. Грубее скажу – запойное. Читал, понятно, и ночами. Дело это в московской коммуналке было затруднительным. Свет на кухне ночью соседи не допускали. У «себя» в комнате свет мешал близким спать, и приходилось, подтянув ночник к подушке и накрыв его и голову одеялом, нырять в увлёкшую меня книжку. Вот тогда я и скрючивался и калечил себе позвоночник. То есть вело-

сипед и мечты о гонках отпали. Футбольные мячи, шайбы, бассейны, беговые дорожки, а потом риски и радости скалолазов увлекли меня. Старший двоюродный брат мой в четырнадцать лет стал профессиональным шофёром, опытным уже человеком выпустил две книжки о вождении автомобилей. Но его житейский интерес никак не повлиял на меня. Да и что было думать об автомобиле! Денег на него всё равно не было и не предвиделось. К тому же я прекрасно ощущал себя пешеходом. Не отказывался и от услуг трамваев, метро и электричек.

И всё же автомобиль в нашей семье случился. И произошло это в связи с очередным будоражным (или судорожным) государственным действием властей...

Мои романы стали переводить и издавать за рубежом. Поначалу это показалось мне как бы забавой. Приятно, конечно. Ну, и всё. За рубежом ли, на Юпитере ли, на Сатурне или ещё где, мне-то что от этого? Но потом пошли подтверждения реальности моих публикаций. Вырезки с рецензиями, гонорары. Впрочем, толку от этих гонораров было мало. Дела мои (и за меня) производил ВААП, и узнать истинно тайны (или секреты) соблюдения авторских прав было чрезвычайно трудно. Особенно, если меня переводили в капстрахах. Контракты с издателями тех стран в руки мне не давали, а лишь показывали «на расстоянии». Вроде как бы оберегали меня от тяжких хлопот и неисполнимых усердий. Скажем, один из чиновников, бедолага, был вынужден дважды летать

в Нью-Йорк с поручением утвердить обложку моего романа. А то бы сам я подорвал здоровье из-за поездок на берега Гудзона. И всё же нам что-то капало. Вроде бы семь процентов от гонораров минус тринадцать процентов налогов. Но и эти капли были как бы и не твои и как бы и не деньги, а некие сертификаты. Получить их на руки можно было лишь небольшими дозами. Дважды в очереди за этими дозами выпало мне оказаться рядом с Альфредом Гарриевичем Шнитке. Но пришёл день, когда важные люди поспешили систему «Берёзок» прикрыть, и надо было сертификаты срочно потратить. («Шутки истории», как говорят нынче политологи. И дальше нас ждало немало таких Шутки истории.) По моим понятиям, у меня набралось тогда на счёте шестнадцать тысяч условных единиц, то бишь долларов. Намерение семейного совета оспариванию не подлежало. Купить автомобиль! Получалось, что средств хватит на «Волгу» (доступны тогда были лишь отечественные машины). «Ну, уж вы размечтались! – разулыбались мне в “Берёзке”. – Вы в заблуждении. Рубль у нас крепкий. Доллар стоит шестьдесят одну копейку. Так что, средств у вас хватит лишь на “Жигули”...» И были выданы мне синие «Жигули» седьмой модели. Естественно, доверенность на автомобиль я написал на имя сына. Теперь (не прошло и три года) доверенность эта устарела, и её надо было немедленно продлевать.

Мою статью о конкурсе танцев в Горьком напечатали. Как отнёсся к ней Гена Янаев, я не знал. Да и не старался узнать. Раньше в Горьком меня удивила просьба (или указание) Янаева, до публикации статьи показать её Юрию Афанасьеву. Из вежливости я всё же зашёл в ЦК Комсомола на Маросейке. Афанасьев имел репутацию прогрессиста, человека здравого смысла, возможно, и циника, но замечания его меня удивили. То есть Янаев в сравнении с ним показался мне чуть ли не либералом. Никакие советы Афанасьева я использовать не стал, ушёл от него разочарованным...

Что же касается Янаева, теперь для меня Геннадия Ивановича, и никак не Гены, то и позже случались с ним пересечения. Удостоенный перевода в Москву, Геннадий Иванович быстро делал карьеру. Сначала по комсомольской линии (в «Спутнике» и в Комитете молодёжных организаций), потом в Профсоюзах, а потом он вдруг был назначен Вице-президентом страны. Встретились же мы на Зимних Олимпийских играх в Гренобле. Я попал туда корреспондентом своей газеты, Янаев же привёз в Гренобль комсомольских лидеров со всей страны (в Нотр Даме шапки они не снимали – «я кепчонку не сдеру с виска, у советских собственная гордость...» и т. д.), а с ними – и художественное обеспечение Игр, якобы любителями из самодеятельности, скажем, «Калинку» на

хоккее запевал будто бы донецкий шахтёр – баритон со званиями Юрий Богатиков. С Янаевым мы здоровались, хотя я и не был уверен в том, что он меня узнал. Во всяком случае о конкурсе бальных танцев он не вспоминал. И вот теперь Янаев руководил балетом «Лебединое озеро»... Хотя я и не мог понять, какие такие свойства его натуры возвели Геннадия Ивановича в первые лица государства. Впрочем, люди сидели с ним за столом откровенно серые. Что-то там было не так...

29

Тимофей сидел в автомобиле смирный. Кот, когда надо (ему), проявлял себя личностью благоразумной. Хотя нередко позволял себе дерзить и ехидствами оценивать поведение хозяев и их гостей. Однажды, в пору упомянутых выше предостережений премьера Н. Рыжкова, когда в столице приятели стеснялись заходить в дома друзей, чтобы не омрачать (или затруднить) их бытовое существование, один из гостей раздобыл где-то одиннадцать ромштексов в обвалке, что и стало поводом для устройства застолья. При этом Тимофею, приблизившемуся к столу, было объявлено: «Тимофей, мяса у нас нет. И не рассчитывай...» Пока мы за столом шумели и вопреки всему радовались жизни (были принесены и дефицитно-талонные бутылки водки), Тимофей тихо подошел к дивану и принялся заниматься каким-то беззвуч-

ным делом, не способным обеспокоить и отвлечь нас от дружеских бесед. И всё же усердия Тимофея звук вызвали. Тимофей вытаскивал лапой из-под дивана картонную коробку с сапогами жены. Мы замерли зрителями. Кот влез в коробку и пустил в ней струю протеста. Выбрался из коробки и зажёб нечто невидимое на паркете. Тут же, хвост задрав и как бы не глядя на нас, Тимофей оставил наше общество. Степенно (что, впрочем, было ему свойственно) оставил. Но в интонациях его мрачных мяуканий угадывалось: «Мяса, говорите, у вас нет! А? Зато хоть совесть, наверное, у вас есть...» Мы посмеялись, ну, надо же, каков остроумец-то Тимофей, кто-то вспомнил о раблезианском юморе, коробке из-под сапог, вернулись к застолью, напитки ещё оставались... Но вскоре все за столом ощутили неловкость и погрустнели...

Кстати, к столу этому Тимофей относился обычно чрезвычайно уважительно. Я работал за этим столом, рядом лежали тетрадки в клеточку, стержневые ручки и стояла машинка «Эрика», пока не поломалась. Тимофей устраивался где-нибудь невдалеке, но так, чтоб иметь обязательный и полезный обзор окрестностей и видов из коридора, закрывал глаза, якобы не желая смущать работника, и всё же, иногда веко его правого глаза осторожно приподнималось, но тут же глаз Тимофея затухал, проверено, мин нет, хозяин не дует в ус, а утыкается ручкой в тетрадку. За столом же этим, а других в столовой не было, нередко напротив меня сидели деловые гости – журналисты (брали интервью) и издатели (вели

переговоры). Здесь у Тимофея сомнений не возникало. Он сразу же вспрыгивал на стол и размещался справа от меня и машинки. С минуту взглядывал на пришельца и, оценив суть его натуры, а главное – степень его опасности, как бы успокаивался и от скуки (опять всё то же самое!) задрёмывал. На самом же деле Тимофей задрёмывать и не думал, а бдил. Не знаю (и разгадывать не стал), какие такие силы и зачем возникали в Тимофее с необходимостями оберегать меня и мои литературные интересы. При этом вроде бы и корысти не имел. Хотя нет, мелкая корысть у него, пожалуй, всё же была. Тимофей чрезвычайно любил фотографироваться. И как бы смущался, и явно ждал, чтобы его уговорили остаться на столе и даже усестся на мои черновые тексты. Некоторые фотографы приходили к нам не впервые, их Тимофей приветствовал движениями лениво-доброжелательного хвоста. И надо сказать, изображения Тимофея, возможно, и по моим предощущениям тоже – покровителя моей писанины и её заступника, появлялись в «Литературной газете», ещё где-то и даже на шмуцтитутах моих книг. Живописным выглядел на них кот Тимофей!

30

В машине Тимофей сидел смирный, головы не приподнимал, ничто вне автомобиля его как будто бы не интересовало. Возможно, однажды он и поднял голову и разглядел,

что там, за стёклами, – в грешном и сыром мире, но я этого не заметил, а Тимофею было как бы позволительно поспать. Сын не делал коту замечаний и не интересовался, испачкал ли Тимофей обивку сидений или не испачкал. Его занимали свои проблемы, можно предположить, не самые весёлые. Я решил его ни о чём не спрашивать.

– Домой заезжать не будем, – сказал сын, – а сразу поедem на Пресню в Нотариальную контору. У меня много дел, и бумаги надо оформить поскорее. Так что, кот, придётся тебе потерпеть.

Предупреждение сына Тимофей воспринял не открывая глаз.

Шум Москвы всё же заставил кота не только открыть глаза, но и привстать и, упёршись передними лапами в дверцу, позволить себе понаблюдать за утренним бытом города. От Москвы за летние месяцы он отвык. Но прежние его возвращения в город были спокойными. Однако сегодня виды за окном (а он ещё и принюхивался к заоконью) заставили его нервничать. Видно было, что нынче городские улицы и всё, что на них, были ему неприятны. Страншые машины с палками-пушками на мордах и на зловещих лапах-гусеницах его пугали. И люди повсюду были мрачны и неизбежно серы. Тимофей отскочил от дверцы и улёгся, прижавшись ко мне.

Жили мы в центре, в Газетном, между Телеграфом и Консерваторией, но почему-то многие наши районные службы (военкомат, собес, налоговые и пр.) размещались на другом боку Москвы – на Красной Пресне. Там в каких-то пресненских переулках, к востоку от Москвы-реки, и следовало искать Нотариальную контору. Переулки там из пятиэтажных домов серого кирпича, неотличимых друг от друга, как ровные листья подорожника, то теряли свои имена и жили без настенных указателей, то утыкались в безнадёжье бетонных промышленных заборов. И всё же дом с меленькой вывеской «Нотариальная контора» после поисковых петель был найден. Нотариусам в нём был отведён нижний этаж. При здании был двор без ухоженных тропинок, вообще – без тропинок, заросший сорняками. Причём, сорняками вовсе не из травянистых, а кустарниками и тонкоствольными деревьями неизвестных мне пород. Таких запущенных дворов в Москве было много. Удивил меня лишь свисавший с третьего этажа флигеля (метрах в тридцати от фасадного дома) мокрый полотняный транспарант с портретом на два этажа Геннадия Ивановича Янаева.

– Надо же! – удивился я. – Янаев! Гена!

– Ты его знаешь? – посмотрел на меня сын.

– Знаю, – мрачно произнес я. – Когда только успели изго-

товить?

– Делов-то! – сказал сын. – Типографии сейчас в простое. Запреты. Это мамаша как-то сумела напечатать тираж своего журнала и вывести его в газетные киоски. Ну ладно, мне надо поспешать по делам.

И тут же к исполнению обязанностей был призван кот Тимофей.

То есть сын осторожно приоткрыл дверцу автомобиля, так, чтобы Тимофей не смог выпрыгнуть и удрать, и произнёс слова наставления:

– Тимофей, ты видел танки? Если ты удерёшь и пойдёшь гулять по Москве, попадёшь под их гусеницы, а это даже не овчарки, или тебя пристрелят из пушки. Выходи, облегчись и возвращайся к автомобилю.

Тимофею бы кивнуть, но он, размявшись и прогнув спину, уткнулся взглядом в портрет на мокрой свисающей тряпке. Портрет до того не понравился Тимофею и, видимо, напугал его, так, что кот снова бойцом выгнул спину, зашипел, зарычал, выпустил когти, но, успокоенный сыном, на портрет не бросился, а лишь с брезгливостью принялся загребать землю. «С чего бы ему так неприятен Янаев?» – удивился я.

– Пять минут! – строго сказал сын.

Естественно, Тимофей не мог не пометить заросший двор и тем самым включить его территорию в свои владения. Сделал он это быстро, в трёх углах двора, остановился и возле тряпичного портрета политика и опять начал, в знак неприя-

тия Янаева (или мокрой провисшей тряпки?), загребать под портретом землю. Но делал это он теперь менее ретиво и будто бы без особого зла, не рычал. «И всё же, что ему так дался Янаев? Что в нём такого он учуял?» – никак не мог отделаться от сомнений я.

Вернувшись к автомобилю, кот пометил и наш автомобиль, не удержался, но сейчас же проявил благоразумие (или хотя бы послушание) и без всяких понуканий сына впрыгнул в полуоткрытую дверцу автомобиля.

– Так, – сказал мне сын, – посидите немного. Сейчас зайду к нотариусам. Посмотрю, очередь к какому столу стоит занимать...

Сходил, посмотрел, занял очередь.

– Всё, – сказал сын, вернувшись. – Придётся тебе терпеть. Клиентов там много. И очередь еле ползёт. Но выхода нет. А мы с котом сейчас отбудем.

– Домой завезёшь Тимофея?

– Не знаю. Не уверен, – сказал сын. – Может, весь день придётся мотаться с котом. Если не случится что-нибудь экстренно-мрачное.

Вопроса по поводу «экстренно-мрачного» я не успел задать. Синие «Жигули» седьмой модели с сыном и котом отбыли в ожидающий экстренно-мрачного разрешения очередного воспаления Смуты центр Москвы.

А я вошёл в полуосвещённый зал Нотариальной конторы.

Должен заметить, что все известные мне учреждения Красной Пресни имели схожие свойства, будто бы непременно-обязательные для работы с населением. Первым делом в них почти невозможно было отыскать свободные стулья. Обязательным было и отсутствие туалетов. То есть они где-то были, но существовали как бы секретными и в случае острой нужды требовали приглашения полевых разведчиков, но всё же якобы облегчали жизнь бюджетного персонала. Хотя иные из них и были предусмотрительно закрыты. Словом, каждый вынужденный посетитель госучреждения должен был сразу ощутить, что он тут пыль земная, мелочь, в которой нет никакой необходимости, и заниматься им приходится лишь ради соблюдения социальных приличий. А если его заботят проблемы организма, то ему и притаскиваться сюда не следует. Или пусть приходит со своим горшком. Или со своей табуреткой. А позже в дни ужесточения налоговых деклараций с их мелко-невидимыми требованиями на листах казённой бумаги, то и со своей огромной лупой. Или микроскопом.

Зал нотариальных операций при заходе в него показался мне немного покатым. Покатость эта была вполне объяснима рельефом Пресни. Стол, очередь за которым занял сын, находился справа от входа в «верхнем» углу зала. В коридо-

ре, на лестнице, я успел присмотреть легкомысленно оставленный без надзора стул и приволок его к своему рабочему месту. Сидеть, понял я, предстояло мне долго.

Хотя нотариусы люди – как бы и не государственные, но и в их конторе явно ощущался запах присутственных мест. Этот запах был запахом канцелярских приспособлений, густого тёмно-жёлтого клея, крашеного металла, дыроколов, старых и свежих бумаг, потных ситцевых нарукавников с протёртостями, испачканных чернилами пальцев... Да мало ли чего!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.